

Вырезка из газеты

- 3 ОКТ 1980

ГУДОК

г. Москва

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Талант щедрый, яркий

...Вроде бы нет в его внешнем облике — сутуловатая спина, удлинненное лицо, сильно похрустывающий голос — какой-то особой артистической эlegantности, эдакой вальжанности любимца публики. И тем не менее в этом человеке таится артистизм такой огромной силы, индивидуальность столь необычайная, что увидевший его хоть раз уже не позабудет и ни с одним актером не спутает.

Москвичи впервые встретились с Евгением Евстигнеевым весной 1956 года, на выпускных спектаклях Школы-студии имени В. И. Немировича-Данченко — «Нора» Ибсена и «Глубокая разведка» Крона. Он играл прозаические прекрасными артистами роли — доктора Ранка и геолога Мориса. Сдержанная, серьезная манера исполнения, скупая пластика, глубокий драматизм и неподдельная его оригинальность сразу покорили публику. То было, несомненно, крупное, истинно мхатовское дарование, и не случайно он в числе немногих счастливых был оставлен в труппе.

За плечами Евстигнеева остались годы работы слесарем на горьковском заводе «Красная Этна», Горьковское театральное училище и несколько сезонов во Владимирском театре им. Луначарского, где он успел сыграть свыше двадцати ролей. А после этого нашел в себе мужество снова стать студентом и был принят сразу на третий курс школы-студии, где сейчас сам преподает мастерство актера...

Однако тогда пробыл он в Художественном театре не больше года. Вместе с однокурсниками и педагогом школы Олегом Ефремовым он вступил в только что основанную «Студию молодых артистов», ставшую позднее театром «Современник». Именно здесь, в утверждении глубоко актуального, публицистически страстного и вместе с тем тонкого психологического искусства формировались гражданские и эстетические принципы актера коммуниста Евгения Евстигнеева.

Надолго закрепилась за Евстигнеевым слава актера главным образом характерно-комического, смешного. Надо отдать ему должное: несмотря на огромный успех в комедии, он решительно боролся за широту своего творческого диапазона. В театре это ему удавалось больше — Евстигнеев сыграл даже главного положительного героя — Сергея Усова в «Традиционном споре» В. Розова. Следующим

этапом такой «борьбы» стал горьковский Сатин, лишенный, правда, былого романтического ореола, но все же личность яркая, сильная, оригинальная.

Именно Сатин, созданный в психологической манере, но не без помощи острых современных средств, знаменит собой определенный творческий рубеж, и Евстигнеев вскоре получает звание заслуженного артиста РСФСР. Наступает пора зрелости, большей взыскательности к себе, экономии и простоты выразительных приемов.

В 1971 году Евгений Евстигнеев вместе с О. Ефремовым переходит в Художественный театр, что особенно обязывает к ответственности перед зрителями. Интересно наблюдать, как в зрелые годы артист, выражаясь старинным языком, все чаще становится прокурором своих смешных персонажей. Обличая их, он уже не столько веселится вместе с вами, сколько стремится выявить социальную, общественную сущность человека и явления. Это, как правило, сильные противники, наделенные железной волей, взрывчатым темпераментом и азартом. Одержимы ли они глобальными маниями, как инженер Гарин, или просто идеей мещанского накопительства, как нынешний обыватель Желтин из пьесы А. Кутерницкого «Нина», — неважно. И чем больше они стремятся быть будничнее, неприметнее, тем яснее проглядывает в этих евстигнеевских созданиях волк из овечьей шкуры.

К счастью, в последнее десятилетие театр и экран все чаще дарят нам возможность встретиться с драматическими и лирическими гранями таланта Евстигнеева. Он охотно играет интеллигентов самого разного плана — от легендарного наркома Луначарского (спектакль «Современника» «Большевики», который артист до сих пор сохранил в репертуаре) до тишайшего московского художника Николая Николаевича (телефильм «По семейным обстоятельствам»). Почти не изменяя своей наружности, превращается он в скромного, застенчивого ученого или волевого, немногословного офицера-контрразведчика, современного, эрудированного партийного руководителя или старомодного чудаковатого старика.

Евстигнеев любит играть странных, эксцентричных людей, но «розовыми», неземными они у него никогда не бывают. Старинная учтивость, даже церемонность Павла Павловича Горяева («Повесть о неизвестном ак-

тере») или Звездочета («Про Красную Шапочку») отлично сочетаются с принципиальностью, решительностью, силой духа, иной раз даже героизмом. Чем эксцентричнее, чуднее, смешнее вылепленный артистом человек, тем сильнее обнажается драматическая сердцевина его судьбы, и в роли появляется драгоценнейший букет высокого искусства — трагикомизм. Он таится в последней, уже вымученной, сползающей с лица улыбке профессора Плейшнера («Семнадцать мгновений весны»), в залихватских куплетах на елке, которые поет решивший вернуться в театр Горяев. Но особенно он пронзителен в крошечном немом эпизоде из фильма «Подранки», где Евстигнеев сыграл старика-сторожа. Он бурно изливает чувства в пантомиме, обращенной к единственному собеседнику — лошади. В этом немом эпизоде справедливо находили нечто чаплиновское, однако еще более близкая ассоциация — чеховский извозчик Иона из рассказа «Тоска». Только Иона нынешний, бунтующий, созданный Евстигнеевым мастером.

Как всякий мхатовец, он давно тянулся к Чехову, с трепетом и надеждой. Ведь «мужественная простота», как определял Вл. И. Немирович-Данченко стиль чеховской драматургии, — стройнейший экзамен для художника. И сейчас еще, когда Евстигнеев играет Чебушкина в «Трех сестрах» или Шабельского в «Иванове», преждевременно считать, что экзаме́н этот до конца выдержан. Однако в каждом чеховском спектакле у Евстигнеева есть место, где, быть может, ненадолго, за гаерством пьяного Чебушкина или цинизмом Шабельского откроется вам глубоко скрытая драма одиночества и беззащитной старости... Ради таких мгновений истинного искусства люди и ходят в Художественный театр.

«Чеховское» заметно присутствует в последних современных ролях артиста: в сцене прощания с внучкой Горяева или в том, как негромко, сдержанно «с нервом» ведет он спектакль «Заседание парткома». Именно ведет, ибо действие этой пьесы А. Гельмана основано на ведущей роли парторга треста Льва Алексеевича Соломахи́на, и режиссер О. Ефремов не случайно поручил его играть давнему своему партнеру. Заветная «мужественная простота» порадовала и зрителей новой пьесы А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся...» Один из ее главных героев, Юрий Николаевич Девятков, сыгран Евстигнеевым по-мхатовски глубоко и лаконично, со свойственной ему гражданственностью и остротой.

А впереди чеховский Сорин в «Чайке» и другие классические роли. Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, один из самых популярных советских актеров, Евгений Александрович Евстигнеев сегодня много играет, много хочет и должен еще много сыграть.

Е. ОЛЬХОВИЧ.